

УДК 32+070

ПЕРСПЕКТИВА СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СВЯЗИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Юрьев Александр Иванович

доктор психологических наук
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург

Пушкина Мария Александровна

кандидат психологических наук
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург

Ханнанова Эльвина Илдаровна

соискатель
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург

Аннотация. Статья посвящена научному обоснованию взаимосвязи категорий «средства массовой информации» и «политическая стабильность». Авторы исследования подчеркивают необходимость использования системного метода исследования данной проблемы. Делается вывод о том, что связь средств массовой информации и политической стабильности происходит в целой цепи других подсистем политического управления, включающей подсистему текста, психического состояния людей, массовидных явлений в лице деструктивных социальных эпидемий.

Ключевые слова: политическая стабильность, СМИ, деструктивные социальные эпидемии, манипуляция, картина мира, системный метод, человеческий капитал.

PERSPECTIVE OF SYSTEMS RESEARCH COMMUNICATION THE MEDIA AND POLITICAL STABILITY

Yuriev Alexandr Ivanovich

doctor of psychology
Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg

Pushkina Maria Alexandrovna

PhD
Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg

Khannanova Elvina Ildarovna

post-graduate student
Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg

Abstract. The article is devoted to scientific substantiation of the relationship category «media» and «political stability». The authors of the article accent the need for systematic review of the problem. The conclusion is that the relationship of the media and political stability occurs in the whole chain of other political governance subsystems, subsystem consisting of text, the mental state of people, mass-phenomena such as destructive social epidemics.

Key words: political stability, the media, destructive social epidemics, world view, systematic method, human capital.

1. Системный подход в политологии. Системность и системный подход являются универсальными научными понятиями. Системные представления об обществе и политике развиваются во многих политологических школах. С этой точки зрения, системный подход был отражен в теоретических моделях функционирования политических систем Д. Истона [1], Г. Алмонда [2] и К. Дойча [3]. Так, например, социально-кибернетическая модель политической системы была предложена К. Дойчем в работе «Нервы управления. Модель политической коммуникации» [3]. Концепция немецкого исследователя раскрывает структуру и функции политической системы и обозначает информационно-коммуникативные условия для поддержания политической стабильности. Политическая система представляется в качестве процесса управления и координации усилий общества по достижению поставленных целей путем коммуникации (информационных потоков) [3].

В строгом смысле, изменчивость современных научных представлений о политической системе общества на современном этапе не преодолена. Тем не менее, системный метод широко используется в описании структуры и функций реальных политических систем, а также их типологий.

В самом общем смысле, система представляет собой множество элементов, находящихся между собой в постоянном и устойчивом взаимодействии. Элементы системы при определенных условиях также могут рассматриваться как системы (подсистемы), представляющие собой относительно более сложный элемент. В таком случае следует говорить об уровнях системы – более высокого порядка.

В описании системы используются такие понятия как «структура» и «функция» (функции явные и скрытые или латентные), а также «среда». Структура представляет собой свойство системы, отражающее способы организации и функциональное соотношение элементов данной системы. В сопредельных с политологией науках, под «системой» понимается

такая организация, в которой отдельные элементы работают вместе, чтобы получить выходной эффект, который отдельный элемент сам по себе дать не может» [4].

«Система должна отвечать следующим допущениям:

1) иметь иерархическую организацию, т.е. система более низкого порядка встроена в систему более высокого порядка так, что ее выходной эффект воспринимается системой более высокого порядка и преобразуется в процесс;

2) быть целенаправленной, потому что в ней задействован человек, и она искусственно им создана;

3) каждый элемент системы должен подчиняться общей цели. Цель является отправной точкой для разработки системы, цель определяет деятельность участников системы, цель позволяет судить, правильно ли работает система;

4) каждый элемент системы должен оказывать влияние на все другие ее элементы, а выходные эффекты отдельных элементов преобразовываться в выходной эффект всей системы;

5) измерение, оценка, обратная связь должны являться неотъемлемыми элементами системы» [5].

С точки зрения системного подхода можно предположить, что: 1) как средства массовой информации представляют собой систему, так и 2) психические состояния людей являются системой, которая радикально изменяет психическое состояние своих читателей, что 3) влечет за собой колебания в системе политической стабильности.

2. Средства массовой информации, как система, продуцирующая тексты. В современной науке накоплено достаточно исследований, доказывающих, что тексты СМК представляют собой систему. Данная система или искусственно создается, или возникает естественным образом, автоматически заполняя в ней «белые пятна», при их существовании. Таким образом, система СМИ, и каждый отдельный текст в ней

подчиняются законам системной организации. Например, текст, как система имеет иерархическую организацию. Условно это фактологический, контекстуальный, подтекстовый уровни. Так, подсистема самого низкого порядка – это фактологический (поверхностный) уровень, содержащий информацию об именах, фактах, датах, событиях, поступках. Подсистема более высокого уровня скрывается в контексте, и отражает жизненные ценности, ради которых текст создан, и которые будут эмоционально близки читателю. Контекст – это такое окружение языковых единиц, слов, выражений, высказываний, которые определяют их «прочтение» для думающего, читателя, а не только его «озвучивающего». Данная подсистема рассчитана на человека, обладающего определенным мировоззрением. Подсистема более высокого уровня – подтекст, скрывающая цель текста: дать читателю направление для его слов и поступков его реального поведения. Подтекст – это тот комплекс мыслей и чувств, который скрыт под словами текста, не совпадающий с прямым значением использованных слов. Но для этого читатель должен располагать научной картиной мира, на которой определяется цель – траектория изменения его поведения. Подсистема самого высокого уровня текста содержит знания, описывающие смысл жизни, который, собственно, продуцирует и подтекст, и контекст, и поверхностный уровни текста – фактологический. На данном уровне необходимо не только знание, но и понимание знания.

С точки зрения политической психологии, современную политику можно представить как борьбу смыслов, несмотря на возможное представление как о борьбе экономик, армий, спецслужб и пр. Автор проекта «смысла жизни», внедренного с помощью СМИ в массовое сознание, одержит победу без применения оружия. Подтекстовый уровень системы текста – смысла, заключается в практически невозможности управления им произвольным образом.

Система СМИ целенаправленна и представляется «властным механизмом распространения политических идей – методов решения проблем экономического, правового, военного характера за счет активных действий, а не созерцания (что совпадает с определением интеллекта). Для объяснения этого феномена используется понятие экспансии – проникновения на чужую территорию, рынки сбыта, что и определило агрессивную окраску термина «расширение». Но для расширения помимо материальной среды существует и информационная, психологическая среда, на которую аналогичным образом покушается интеллектуальная экспансия. Объектом захвата «чужой территории» выступает сознание человека. Со времен Торндайка интеллектуальный акт понимается как решение проблемы, которое достигается не созерцанием, а активными действиями человека, позволяющим установить наиболее выгодную координацию со средой. [...] Причем, информация является не только средством регистрации, сколько средством и прямого, и косвенного, и опосредованного воздействия на объект влияния» [6].

Каждый элемент системы СМИ (или медиасистемы) должен оказывать определенное влияние и на другие ее элементы, где выходные эффекты отдельных элементов должны преобразовываться в выходной эффект всей системы. Доказано, что система СМИ представляет информацию человеку в виде текста, который проф. В.А. Ганзен определял как: «линейную упорядоченную последовательность многомерных стимулов» [7]. Из этого следует функциональное определение текста: вербальное письменное средство воздействия является текстом в том случае, если его читатель после точного выполнения всех предписаний автора текста обязательно достигает необходимого конкретного результата. Понять текст, значит понять автора, воспроизвести все его или физические, или логические действия, или пережить его эмоциональные состояния [8].

3. Изменения, производимые средствами массовой информации в психическом состоянии и поведении масс людей. По мнению проф. Ганзена В.А., социальный опыт человека определяет формирование и развитие его личности. Под влиянием системы СМИ происходят усвоение и активное воспроизведение социального опыта. Системное описание социального опыта, который приобретает человек в непосредственной практической предметной деятельности, предполагает выделение его структурных компонентов и связан между ними. Он считает, что: «В широком смысле опыт возникает как накопление человеком информации с целью построения и совершенствования внутренней модели внешнего мира. В процессе жизнедеятельности он проявляется как регулирующий компонент человеческого поведения и деятельности» [7].

Проф. Ганзен В.А. описывает четыре составляющих социального опыта человека, который в значительной степени формируется под влиянием системы СМИ, ее текстов. В качестве первой составляющей социального опыта он выделяет обобщение практического знания человека о других людях, самом себе, мире в целом. В результате этого складывается определенная **картина мира**. Он считает, что картина мира есть познание сущности явлений мира, приведение их в систему. Будучи системной по своей природе, она воспроизводит характером сформированных связей и отношений между составляющими ее элементами связи и отношения реальной действительности. Как отмечал С.Л. Рубинштейн «само сознание существует лишь как процесс и результат осознания мира» [7].

Второй составляющей социального опыта, по мнению Ганзена В.А. является **мировоззрение**: «система взглядов на объективный мир, на отношение человека к окружающей его действительности и самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации. Мировоззренческие чувства, по определению

С.Л. Рубинштейна, есть обобщение человеком жизни в целом, выражения отношения к ней, т. е. целостная система оценок. Формирующееся мировоззрение как отношение к сложившейся картине мира вырабатывает определенную систему оценок, происходит самоопределение личности в сложной системе отношений с миром людей и миром вещей» [7].

Третьей составляющей социального опыта человека, по мнению Ганзена В.А., является его **жизненная позиция**, которая «отражает качественно определенную, устойчивую систему отношений человека с миром, которая проявляется в уровне его активности и направленности взаимодействия с миром, и тем самым обеспечивает самоопределение личности. Активность жизненной позиции выражается в творческом отношении человека к своей деятельности. Ее отсутствие может привести к такому течению жизни, когда человек целиком подвержен влиянию жизненных обстоятельств, или «влечется, движимый ходом этих обстоятельств»» [7].

Окончательное формирование способа жизнедеятельности человека – **образ жизни**, «который и является четвертым структурным компонентом системы социального опыта человека. Образ жизни можно определить как устойчивую систему жизнедеятельности, выражающуюся в определении социальных ролей и социальных статусов. Отношение между статусом и ролями – это отношение реализации статуса в той или иной совокупности ролей. Последние обусловлены индивидуальными психофизиологическими характеристиками личности, а так же системой ее отношений к миру и выработанной жизненной позицией» [7].

Представленные способы жизнедеятельности человека имеют в своей основе потребности человека, основываясь на которых СМИ создают тексты, тем самым создавая и изменяя политическую реальность. В качестве примера можно привести систематизацию потребностей Г. Мюррея. Автор выделяет первичные – висцерогенные потребности (голод, жажда, секс) и вторичные – психогенные [9]. Среди психогенных

находятся потребности: 1) унижения; 2) достижения; 3) аффилиации; 4) агрессии; 5) автономии; 6) противодействия; 7) уважения; 8) защиты; 9) доминанции; 10) обращения внимания на себя; 11) избегания ущерба; 12) избегания неудач; 13) опеки; 14) порядка; 15) игры; 16) неприятия; 17) осознания; 18) сексуальных контактов; 19) получение помощи (зависимости); 20) понимания. Позднее, автор добавил к ним семь дополнительных потребностей: 1) приобретения; 2) избегания обвинения; 3) познания; 4) созидания; 5) объяснения (обучения), информирования других; 6) признания; 7) сохранения, бережливости [9].

Система СМИ является, с точки зрения политической психологии, мощнейшим инструментом изменения сознания и поведения. Эта система способна как к быстрому возбуждению деструктивных социальных эпидемии, так к представлению в качестве инструмента массовой социальной психотерапии. Происходит это потому, что в случае качественного изменения картины мира, мировоззрения, жизненной позиции, образа жизни человека, его состояние может переходить от нормы к патологии и обратно. Специалисты понимают, в частности, под патологией такие необратимые ее качественные преобразования, которые ведут к невозможности или значительному ограничению ее участия в общественных отношениях, в жизни социума, а также связаны с заметным снижением адекватности отражения действительности в сознании.

В процессе перехода от нормы к патологии личности изменяются ее основные аспекты как системы: характеристики личности как целого, ее основные компоненты, взаимоотношения с метасистемой и средой. Так, в области перехода уменьшается целостность, устойчивость, организованность, пластичность, гармоничность личности, увеличивается ее сложность. Как правило, уменьшается эффективность деятельности личности, ее активность, управляемость, наблюдаемость. Изменяется (от аутизма до гипервнушаемости и высокой конформности) степень автономности. Меняются и взаимоотношения личности со средой: изменя-

ется интенсивность и соотношение внешних и внутренних побуждений личности (от маниакальных до депрессивных состояний, от гиперреактивности, импульсивности до целеустремленности); изменяется информационный обмен с окружением (например, крайняя избирательность при бредовых состояниях, резкое ограничение, объема при аутизме). Меняется динамика взаимодействия личности со средой (например, ускорение в маниакальных состояниях и замедление в депрессивных). Наконец, особо следует указать на уменьшение уравновешенности со средой.

4. Роль средств массовой информации в появлении и исчезновении деструктивных социальных эпидемий. Такого рода изменения в системе социального опыта человека и его психике, которые формируют во многом СМИ, влекут за собой **деструктивные социальные эпидемии** – относительно новое понятие в общественных науках. Анализируя последствия событий на Ближнем Востоке и в Северной Африке, становятся более понятными механизмы крушения целого ряда государств в начале внешне вполне благополучного XXI века. Данные механизмы во многом представляют угрозу и для целостности, и суверенитета Российской Федерации. Возникавшим переворотам, мятежам предшествовал социальный взрыв, не прогнозировавшийся социологическими опросами, не объяснявшийся экономическими кризисами, не предусматривавшийся политологическими исследованиями. Таким образом, социальный взрыв представляется следствием социальной деструктивной эпидемией (СДЭ), на данный момент недостаточно изученной в политической науке. Теория социальных деструктивных эпидемии активно разрабатывается в психотерапии, медицинской психологии, политической психологии и учитываются в политологии.

Одним из первых современных исследователей деструктивных социальных эпидемий проф. А.Л. Катков относит к ним вовлечение населения в психологическую или химическую зависимость, адаптационные

нарушения с признаками синдрома деморализации. Все это является угрозой социальному порядку, нации и государству [10]. Ранее В.М. Бехтерев, рассуждая о психическом здоровье нации, писал о «психическом контагии», являющемся основой психической заразы [11]. Ученый обращал внимание на то, что помимо физических микробов существуют микробы психологические, распространяющиеся чрез жесты, слова и движения окружающих лиц, газеты и книги. Для человека общество – это источник «психических микробов». Таким образом, будучи существом социальным, человек находится в условиях постоянной опасности – в среде «психических зараз».

5. Человеческий капитал, как объект деструктивных социальных эпидемий. Системность социальных деструктивных эпидемий заключается в том, что она разрушает главный ресурс страны – **человеческий капитал**. Согласно проф. Юрьеву А.И. в деструктивных социальных эпидемиях человеческий капитал страны уничтожается, несмотря на то, что является превышающим финансовый капитал. Человеческий капитал, по определению проф. А.И. Юрьева – это «достаточное количество людей, обладающих необходимыми качествами для самосохранения и воспроизводства в непрерывно изменяющихся и усложняющихся условиях жизни» [12, с. 21], является аналогом и явлением, симметричным финансовому капиталу по значимости, важности, ценности для страны.

«Основными подсистемами человеческого капитала являются:

1. Жизнеспособность – способность людей максимально долго продлевать свою личную жизнь и непрерывно продолжать ее в своих потомках, благодаря осмысленному образу жизни, и несмотря на футурошок от непрерывных жизненных изменений и испытаний. Обнаруживается как демографическая проблема, связанная с состоянием образа жизни людей.

2. Работоспособность – способность людей работать за пределами своих сил столько времени, чтобы создать конкурентоспособную потребительную стоимость мирового уровня за счет развитых жизненных сил

и интеллекта. Обнаруживается как экономическая проблема, обусловленная размыванием жизненной позиции людей.

3. Способность к обучению – способность человека приобретать знания, умения, навыки и отдавать их в процессе решения совершенно новых задач, которые непрерывно возникают во всех сферах жизни. Проявляется в формировании новой картины мира, позволяющей находить новые пути к достижению своих целей.

4. Способность к инновациям – способность людей создавать инновационные продукты во всех сферах жизни, овладевая им за счет своих жизненных ценностей и не теряя в постоянно изменяющемся мире веру в себя и свою страну. Обнаруживается в социальных конфликтах, вызванных противоречием между их традиционным мировоззрением и новой реальностью, которую одни принимают, а другие нет» [12, с. 21-23].

5. Политическая стабильность, как система: изучение и измерение. В результате взаимодействия систем СМИ, социального опыта человека и состояния его психики с точки зрения устойчивости к деструктивным социальным эпидемиям, изучается проблема политической стабильности общества. В современной отечественной науке достаточно широко представлены исследования, посвященные анализу протестных настроений, политических конфликтов, восприятия понятия «стабильность». Некоторые аспекты информационного влияния на состояние политической системы представлены в работах А.И. Юрьева, Д.В. Березнякова, Ю.В. Буровой, И.В. Брежнева, А.И. Вертешина, Г.Г. Филипповой, Ю.А. Ильичевой, Л.С. Леонтьевой, Ю.А. Нисневич. Наименование научных работ, как правило, соответствуют современным вызовам: социально-экономическое положение России; внутренние конфликты в странах Ближнего Востока и «цветные революции» на постсоветском пространстве; протестные настроения в 2011-2012 гг. и т.д.

Психолого-политическая стабильность общества, как считает А.И. Юрьев, это системное политическое явление сложнейшей психоло-

гической архитектуры [13, с. 54]. «Системность психолого-политической стабильности во всех случаях имеет естественную психологическую природу, она существует и может изучаться, как естественная связь психических феноменов и политических явлений, а их связь может быть выражена в количественных отношениях» [13, с. 54].

Архитектура психолого-политической стабильности (приложение А.) представляет собой симметричную вертикальную конструкцию, в которой первая группа качеств соответствует левой (нечетной) стороне, а вторая – симметрично расположенной правой (четной) стороне в соответствии с указанным в приложении схематическим рисунком. К первой группе относятся: политическое безразличие (11); политический консерватизм (13); политическая адаптивность (15); политическое иждивенчество (17). Данную группу критериев можно обозначить как критерии социальной подчиненности населения. Ко второй группе качеств, соответственно способствующих политической дестабилизации, исследователь относит следующие: политическая инициатива (12); политический радикализм (14); политическое соперничество (16); политическое творчество (18). Вторую группу можно обозначить как группу критериев социальной агрессивности населения.

Расчет показателя психолого-политической стабильности производится путем вычисления коэффициента: «отношение суммы значений левой части системы (сумма нечетных ответов 11, 13, 15, 17) к сумме значений ее правой части (сумма четных ответов 12, 14, 16, 18). Психолого-политическое равновесие в обществе сохраняется до отношения, не большего чем 0,618» [5] (интервал от 0,382 до 0,618). В случае превышения указанной величины возникают основания для предположения о психолого-политической дестабилизации общества, и готовности населения к массовым выступлениям. В таком случае наблюдается наклонение всей системы влево (к усилению психолого-политической стабильности общества), или вправо (к появлению признаков дестаби-

лизации). Данная концепция неоднократно проверялась в виде гипотезы методом массовых психолого-социологических исследований. Полученные результаты находили свое подтверждение последующими политическими событиями в стране.

Расчет коэффициента политической стабильности производится по следующей формуле: $ППС = A / (A + B)$ – метод подсчета пропорций золотого сечения, где А – социальная агрессивность населения (сумма: политическая инициатива, политический радикализм, политическое соперничество, политической творчество), В – социальная подчиненность населения (сумма: политическое безразличие, политический консерватизм, политическая адаптивность, политическое иждивенчество). Результаты исследования можно представить в качестве графика, иллюстрирующего профиль личности «обобщенного петербуржца», реагирующего на проблему межнациональных конфликтов (схема 2).

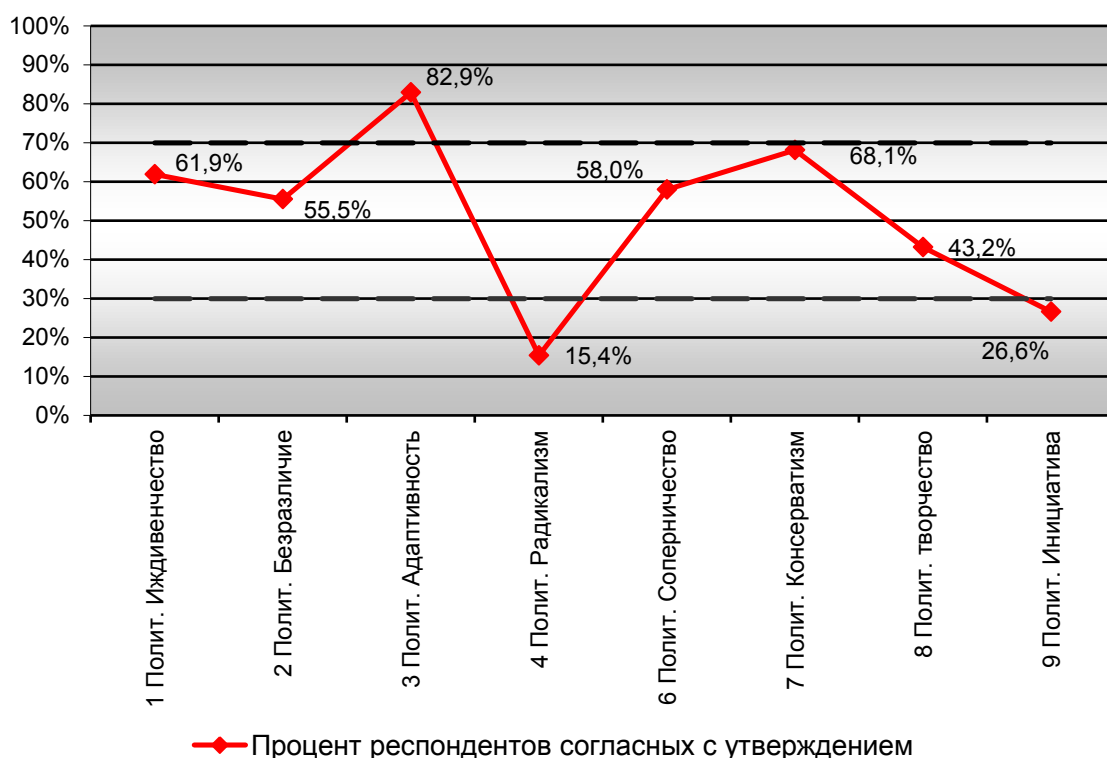

Схема 2. Профиль личности «обобщенного петербуржца», реагирующего на проблему межнациональных конфликтов (февраль 2004) [13, с.103]

Процесс делегитимизации государственной власти происходит, как при высоком уровне политической подчиненности населения, так и при высоком уровне политической агрессивности населения.

Понимание политической стабильности, как стабильности политической системы позволяет ее исследовать и измерять, получая практически важные точные представления об ее уровне. Согласно системному подходу и концепциям, сформулированным проф. В.А. Ганzenом и проф. А.И. Юрьевым **связь средств массовой информации и политической стабильности происходит в целой цепи других подсистем политического управления, включающей подсистему текста, психического состояния людей, массовидных явлений в лице деструктивных социальных эпидемий.** СМИ осуществляют системное воздействие на политическую стабильность в современной России, делая это сознательно или непроизвольно.

Список использованных источников

1. Истон Д. Категории системного анализа политики // Политология: Хрестоматия / сост. М.А. Василик, М.С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. С. 319-331.
2. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4.
3. Deutsch K. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. N.Y., London: Free press Collier–Macmillan, 1966.
4. Мейстер Д. Эргономические основы разработки сложных систем. М.: Мир, 1979.
5. Юрьев А.И. Политическая психология терроризма // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2004. С. 64-86.

6. Юрьев А.И. Восемь эффектов влияния информационных потоков на сознание человека и общества // Информационное общество и интеллектуальные информационные технологии XXI века: Междунар. конф. 28-30 марта 2001 г. М.: Президент-отель, 2001.
7. Ганзен В.А., Ронгинская Т.И. Системное описание социального опыта // Психологические проблемы развития и профессионального становления личности. Л., 1989.
8. Юрьев А.И. Инженерно-психологическое исследование работы человека с текстом: дис. канд. психол. наук. Л., 1982.
9. Хекхаузен Х. Мотив и мотивация. СПб: Питер; М.: Смысл, 2003. С. 146.
10. Катков А.Л. Деструктивные социальные эпидемии: опыт системного исследования. Павлодар, 2012. С. 6.
11. Бехтерев М.В. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб: Питер, 2011.
12. Опыт психологического измерения человеческого капитала / под ред. А.И. Юрьева. СПб.: АНО ИЦК «Русский запад», 2009. С. 21.
13. Пушкина М.А. Опыт диагностики психолого-политической стабильности: (на материалах г. Санкт-Петербург, 2004-2005 гг.): автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. С. 54.